

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИФОНΙΑ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЭТОВ ЯКУТИИ

Elena DISHKANT ¹

Елена ДИШКАНТ

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена актуальной теме якутского литературоведения – исследованию русско-якутских литературно-художественных связей: представлена объективная картина современного состояния русскоязычной якутской поэзии, анализируются поэтика произведений, различные способы отражения действительности у русскоязычных якутских поэтов 1970-90-х годов, обладающих собственными концепциями постижения явлений бытия и разной степенью воплощения национальной специфики.

Ключевые слова: русско-якутские связи, русскоязычная поэзия Якутии, двуязычие, диалог культур, национальная специфика, современный литературный процесс, национальный образ мира, менталитет, взаимодействие литератур, транскультурная литература.

¹ Associate professor, Russian and Foreign Literatures Department, Faculty of Philology, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Sakha Republic, Russia, Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, филологический факультет, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, dishkant74@mail.ru

CULTURAL POLYPHONY IN WORKS OF RUSSIAN-SPEAKING POETS OF YAKUTIA

Dishkant, Elena. "Kulturnaja Polifonija v Proizvedenijah Russkojazychnyh Pojetov Jakutii". *idil* 2.9 (2013): 53-63.

Dishkant, E. (2013). Kulturnaja Polifonija v Proizvedenijah Russkojazychnyh Pojetov Jakutii. *idil*, 2 (9), s.53-63.

ABSTRACT

The article is devoted to timely theme of the Yakut literary studies, analysis of Russian-Yakut links in literary art. The article introduces an intrinsic image of present day condition of Russian-speaking poetry in Yakutia. The opuses poetics, various approaches of reality repercussions at Russian-speaking Yakut poets of 1970-90s are analyzed in the presented article. The problem of interaction between Russian and Yakut literature is envisaged on the basis of analysis of their pieces of work.

Keywords: cultural polyphony, Russian-Yakut links, Russian-speaking poetry in Yakutia, bilingualism, dialogue of cultures, national particularity, present day literary process, national vision of the world, set of mind, literature interaction, transcultural literature.

Творческие контакты, литературные связи и взаимодействия стали характерной чертой современного литературного процесса. При диалогической встрече двух культур, по словам литературоведа и философа М.М. Бахтина, «каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» (Бахтин, 1986: 56). Во взаимодействии национальных культур и литератур особую роль играют двуязычные писатели, так как они «причастны к двум принципиально разным подходам, точкам зрения, моделям мироздания», двуязычие при этом выступает своеобразным «диалогом мировоззрений, систем мира» (Гачев, 1988: 37).

Первым крупным двуязычным писателем стал П. Черных-Якутский, обратившийся в своем творчестве к русскому и якутскому языкам. Во всех стихах, письмах и официальных документах он называет себя якутом, свободно владеет якутским языком, но пишет на русском. На его творчество огромное влияние оказала русская литература и якутский фольклор. Не случайно, что литературным источником его первого крупного произведения «Под звуки непогоды», опубликованного в 1907 году в газете «Якутский край», явилось якутское олонхо. В поэме «Светлана», в главах «Доение коровы», «Камелек», «Эсизэкэй – осуокай», изображается быт, традиции, культура якутского народа. Использование в ткани стиха якутских слов, национальный подтекст метафор, сравнений, развернутые эпитеты, предпочтение парных рифм, напоминающих мелодическое созвучие якутского народного стиха, свидетельствуют о национальном мироощущении поэта.

Известно и несколько стихов автора на якутском языке: «Зима», «Наступление весны». В журнале «Саха сангата» («Голос якута») он опубликовал свои переводы с русского на якутский язык и с якутского на русский. В соавторстве с А. Бояровым перевел на русский язык драматическую поэму П.А. Ойунского «Красный шаман», а также три главы известного якутского олонхо «Хаан Дьаргыстай», озаглавленный им «Юрюн Уолан» («Белый юноша»). Все это свидетельствует о том, что П.Н. Черных – Якутский – первый крупный двуязычный писатель, творчество которого является серьезным вкладом в культуру якутского народа.

Наиболее плодотворным было творчество на русском языке якутского поэта А. Михайлова. Его обращение к русскому языку носило не временный, случайный характер, а свидетельствовало о глубинных творческих поисках писателя. Он сумел средствами русского языка передать национальный дух, взглянуть на мир «глазами своей национальной стихии» (Г. Гачев), выразить Космо-Психо-Логос своего народа. Тематика произведений А.К. Михайлова способствует раскрытию ментальных факторов. Религией, сформировавшей

менталитет народа саха, была религия белых айыы. Ее определило поклонение Солнцу и Небу, олицетворяющему в сознании народа Верхний мир светлых творцов, поклонение Срединному миру как месту жизни человечества. Поэтому не случайно появление в творчестве А.К. Михайлова целого ряда стихотворений, обращенных к священным образам Солнца и Неба, что, безусловно, является ярким свидетельством национального мировосприятия поэта («Обращение к небу», «Звездное небо»). Лирический герой ощущает чувство слитности с природой, «с речкой, веткою, камнем», и эта связь настолько глубока, что «на стволах зарубинку любую ощущаю раной на себе».

Фольклорному мышлению и поэтике следует Алексей Михайлов и в описаниях родной природы в разные времена года. Особое предпочтение поэт отдает зиме с ее вьюгами и метелями, северным сиянием, излюбленным белым снегом: «И будут/ торжественные снега:/ Пороши,/ сугробы, метели./ И белыми станут/ тугие рога/ Ветвистых/ сосен и елей. / Я снегу всегда / стихи воздаю, / Влекомый / свечением ясным» (Михайлов, 1990: 5). Символика снега, белого цвета, навеянная снежной красотой якутской земли, манящим полетом белых журавлей, обозначена уже в заглавиях самих сборников: «Снег», «Стая белых журавлей», «Снег в Якутске», «Звезды в инее», «Дорога во льдах», «Птица белого крыла», «Белое чудо» и др. Этот характерный образ – мотив выявляет творческое своеобразие автора, высвечивая национальные особенности его музыки.

Раскрытие национального мировосприятия способствует и показ окружающего мира глазами птиц и животных, проникновение в «душу» растения, так как, по древним представлениям якутов, все явления окружающей действительности наделялись душой («Подорожник», «Монолог сосны»). Стихотворения А. Михайлова пронизаны якутской локальной образностью, самобытным национальным видением: «стадом белых оленей ледоход бредет по Лене», «сигом серебристым сигает коса в тугую волну разнотравья» и др. Лирический образ Родины дополняется образом реки, которая должна быть у каждого человека. Вообще, в творчестве многих якутских писателей мы видим особое отношение к стихии воды, что обусловлено народными сказаниями, легендами о происхождении рек и ритуалами, связанными с почитанием духов – хозяев водной стихии («Мне обида нанесена...», «У человека быть должна река»).

Еще одна черта национального своеобразия поэзии А.К. Михайлова - изображение самобытного характера якутского народа. Гостеприимство как особенность менталитета народа саха подчеркнута в стихотворении «Приходите, я вас жду...», проникнутом народным представлением о

щедрости сердца, открытости души всем людям. Стихотворение «Уважаем всеми работник...» - о мастерском владении древним охотничьим ремеслом предков («В ту пору небо часто расцветало...», «Охотник старый умирал...»), о жизнелюбии и душевной чистоте якутов. Лирический герой поэта ощущает себя богатырем олонхо, раздвигавшим «плечами ели», он «на скалы взбирался и падал в пучину», «и честь отстоял, и званье мужчины». В стихотворении «Саха» автор с гордостью повествует о талантливости своего народа, который и «поэт», и «пророк», и «певец», и «борец», и «носитель древнейших слов» – возможности якутов неисчерпаемы. Первородная якутская суть характера лирического героя органично уживается с его интернациональными убеждениями и чаяниями («Песня о братстве», «К вопросу о памятнике Дружбы народов в городе Якутске», «Чудо русской речи», «Русскому человеку...»). Как видим, описание традиций, обычаев якутского народа, воспевание красоты родной земли, изображение самобытного характера якутов, обнаружение «корней» в национально-устойчивом бытии, пантеистическое слияние человека с природой создают «национальную модель мира», передают национальное мировосприятие поэта.

Национальное своеобразие поэтических произведений А.К. Михайлова проявляется и в использовании традиционной народной символики образов снега, солнца, огня, реки, быка, стерхов, в обращении к сюжетам и героям олонхо, а также в употреблении этнографизмов и этнически самобытных изобразительно-выразительных средств. В поэзии А. Михайлова особенно ярко проявляется образная функция сравнений, основанная на поэтике национальных легенд и мифов, там, где субъектом сравнения служат наименования животных: стерха, коня, оленя. Например: «в душе – стаей стерхов весенних жажда радости и добра», «стадом белых оленей ледоход бредет по Лене», «в небе облако – олень медлительный, который куда не убежит», «туман белой плывет кобылицей». В качестве субъекта сравнения поэтом используются и другие образы птиц, рыб, животных, лексическое выражение которых связано с северным ареалом: снегирь, песец, горноста́й, морж, нельма, белка, глухарь. Например: «а луна была так молода, горностаева так невесомо», «за деревьями солнце белкой рыжею, неслышимое, движется за мной», «север встретит меня белизной горноста́я», «виснет туман шкурой песка голубого», «ветер, как крыло бекаса, нас больно шлепал по щекам».

Поэт обращается и к поэтике якутского народного стихосложения, к формам монолога как самовыражения, самопредставления «судьбы» («Монолог сосны», «Монолог бегуна», «Охотник старый умирал...», «Монолог борзописца») и алгыса («Взгляд на историю», «Алгыс», «Слово»).

В то же время в поэзии А.К. Михайлова нашли отражение лучшие традиции русской классической поэзии. Не случайно, эпиграфом к одному из своих стихотворений автор взял пушкинскую строку «Печаль моя светла...», ведь именно А. Пушкин определил русской любовной лирике быть исполненной доброты, понимания, человечности. В поэзии А. Михайлова то же великодушие в любви, не мстительное жестокосердие, а грустная и светлая доброта прощения: «И в миг нелепый расставанья / Одно могу лишь прошептать: / «Сквозь времена и расстояния / Тебе всегда буду желать / На этой ветровой планете,/ Под этим небом голубым, / Чтоб тот, который тебя встретил,/ Всегда тобою был любим...» (Михайлов, 1993: 52). Как и в поэзии Пушкина, в творчестве якутского поэта любовная тема неразрывно сочетается с философскими раздумьями о жизни, о радости бытия, о приливе творческих сил в чудные мгновения встречи с чарующей красотой: «Встретимся у Пушкина, / в царстве снега, света, / Мой потомок, ты в веках / где бы ни кружил, / Ты замрешь и помолчишь / над строкой поэта, / Над которой плакал я / и которой жил» (Михайлов, 1993: 44).

Если в творчестве А.К. Михайлова ощутимо наследование традиций русской классической литературы, то для поэзии С. Осипова, А. Дойду, поэтов литературного объединения «Белая лошадь» свойственно и стремление к эксперименту, формотворчеству, элементы модернизма и авангардизма.

Поэзия С. Осипова, как и всего поколения 80-х годов, духовно формировалась в условиях застоя, поэтому чувствовала замедленный ход времени. Эту поэзию можно было назвать поэзией осмысления, «немедленного отражения». Она отзывалась на «спокойствие» «повышенной чувствительностью к вечным, повторяющимся ситуациям бытия» (Эпштейн, 1986: 40). В сборнике «Шиповник» поэт развивает тему «отстранения» человека, разлада между подлинным бытием Севера и современным взглядом на родные края, тему родного города, новый взгляд на мифы и предания, на национальную историю. Тема национального самосознания личности у Софрона Осипова тесно переплетается с темой самосознания личности в мире, во вселенной: «Раздоры запада с востоком / Сотру я в сердце на корню!» (Осипов, 1988: 6). Тот или иной национальный образ у поэта всегда многозначен, несет в себе скрытый смысл. Само название цикла стихов в сборнике «Шиповник» - «От Лены до Леты» говорит о попытке найти место национальной системы в мировой системе ценностей, представить национальную философию компонентом всемирной философии. Якут может предстать «морозным ханом», а якутская зима, «бык», грозит не только нам, но и «варягам, грекам». Эпические герои народа саха: Эр – Соготох, Нюргун, Манчары сидят все вместе у камелька: «И дух огня, и дух жилья / Пьют с нами

огненную воду, / Всех нас роднит одна земля / И в мор, и в глад, и в непогоду!» (Осипов, 1988: 8)

В отличие от традиционной якутской поэзии, в лирике С. Осипова пейзажных описаний родной природы почти нет. Но тематически стихотворения связаны с Якутией: автор повествует о географическом месторасположении края (цикл стихов «У края земного»), о красоте полярного сияния («Светопись») и родной природе («Сентябрь стелет солнечно и сухо»), о тундре и животных («Нежность тундры – как в утробе, сон в снегу...»), «Шатун», «Мамонт»), о суровом якутском климате («Стынь, туман и снег», «Верно, холод сродни маразму...», «Когда б зима была романом...»).

В произведениях С. Осипова интертекстуальность является одним из основных художественных приемов, через который реализуется концептуальность текста. Формы проявления интертекстуальности в стихах С. Осипова различны: прямое и скрытое цитирование, аллюзия, подражание, филиация и др. Автор часто использует эпиграфы к стихотворениям из произведений Н. Асеева, А. Ахматовой, А. Пушкина, А. Фета, Х.Л. Борхеса, М. Кузмина, С. Есенина. В стихотворении «Бык», национальном по мироощущению и образам (в якутской мифологии бык является олицетворением зимы), обращение к Пушкину подчеркнуто эпиграфом «Как от проказницы Зимы...» из романа «Евгений Онегин». Строка Осипова включает в себя трансформированную цитату с исходной предикацией из стихотворения Пушкина: «С заиндевелыми рогами / И задубелыми глазами / Идет якутская зима» (Осипов, 1988: 7). Аллюзия применяется и в качестве заглавия произведения. Так, стихотворение С. Осипова «Якутск кабацкий» вызывает ассоциацию с произведением С. Есенина «Москва кабацкая», где определение «кабацкая» является образом – символом «дна жизни», пороков общества: «Гулять ты – Моцарт, драться – Дартаньян, / Но знаешь, братец: дом твой – ресторан» (Осипов, 1992: 11). В программном стихотворении «Сад» интертекстуальная связь обозначена самим автором. О наследовании ахматовской поэтической традиции мы можем судить по стихам: «Анна Ахматова», «Неолетний сад», в которых автор высказывает свою приверженность «строгому письму классического ясного закала». Ахматовская ясность и возвышенность для поэта – высшее искусство, вечная поэзия. Именная аллюзия выступает здесь как реминисценция. «Неолетний сад» вызывает ассоциации с «Летним садом» А. Ахматовой. Другое время – иной взгляд на мир, все проходит, все меняется, вечна только настоящая поэзия: «И громоздящиеся вавилоны / Как бы на грани в воздухе висят, / И я

иду, послушный и влюбленный, / К Ахматовой сквозь Неолетний сад!» (Осипов, 1988: 25).

Стихи С. Осипова, впитав в себя дух поэзии О. Мандельштама, А. Ахматовой, А. Вознесенского, прониклись многозначностью, многомерностью реальности, скрытой в обыкновенных вещах и явлениях. Противоречивость и парадоксальность метареалистического восприятия мира, слияние в единое целое реального и иллюзорного, философские размышления о судьбе сильной личности, обращение к вечным темам, исторический подход к современности, раздумья над проблемами современного общества – все это составляет силу и высокий уровень поэзии С. Осипова и свидетельствует о наследовании опыта русской и мировой литературы. В данном случае мы можем говорить о межлитературности, которая присутствует в самой структуре произведения как своего рода ценностный ряд, на фоне которого создается произведение.

В произведениях двуязычного писателя Айсена Дойду заметно влияние поэтического стиля и формы А. Вознесенского, поэтов «лианозовской школы» и обэриутов. В его творчестве нашли отражение и современные литературные направления: концептуализм, дадаизм, возникшие как отказ от трактовки, протест против «разумного» искусства. Автор игнорирует нормы классического изображения и создает свою собственную языковую реальность. Через деконструкцию языка, через смешение разных стилей, эстетику недоговоренности, дискретности, употребление бранной лексики и разрушение привычной упорядоченности, ритмической пригласенности стихотворной речи и происходит разоблачение отживших свой век общественных, эстетических, нравственных идеалов прошлого, борьба с социальными мифологемами предыдущего периода нашего общества. А. Дойду меньше всего заботится о внешней красоте и эффектности, он показывает оборотную сторону мира, напоминающего «зону», «крысиную» нору, в которой «нормой стали сила слабости духа и совести, импотенция мозга, сердцебиение желудка, становится нормой и пошлость, которая стала мерилем всех человеческих ценностей» («Крысинный вальс»), это мир пустых чиновников и доносчиков, жестокости и страха («Ода чиновнику», «Ода доносчику», «За тоненькой шелковой шторой»). В стихотворении «Дяденька» чудовищный контраст достигает своего апогея: светлый, чистый мир детства сталкивается с изощренной жестокостью людей «зоны». Картину чудовищного мира дополняет образ города, «забытый, опальный Якутск, город «серый и скучный», искореженный, сумрачный, хищный: «Город – тень, город – боль, / это город забывших достоинство, / собственный чин, / это город в низине, на дне, / этот город с ногами в воде / дышит смрадом бензина и гари... / Этот город сегодня в дерьме» (Дойду, 2001: 20). В сером городе, в «музыке пошлой

улиц», где «скрежет металла режет ухо до боли, до судорог», в «бардаке бормотухи борделей и баров» люди превращаются в «полулюдей, полуроботов», «в цифру, в номер, в индекс, в бумашку с печатью под прицелом безглазой судьбы» («Город»). Спасительным источником от несовершенства мира, его губительного яда оказывается для поэта «богиня» - поэзия. Она может быть «глухой» и «жестокой», но отказаться от нее невозможно: « ...Ты –/ муза моя –/ наваждение и страсть /одержимость творить / одержимость дарить /моя вечная боль/ моя горькая радость...» (Дойду, 2001: 13).

На первый взгляд, характерных примет национального стиля в авангардной поэзии А. Дойду нет, но в стихах нередко возникают якутские слова, якутские народные образы, органично вписывающиеся в ткань стиха и придающие ему глубинный подтекст: «Перед восходом / Бубна Золотого / трава что плачет утром / целуя тень сэргэ / ликует в полдень / звенит / на тонком стебельке / осколок голубой – / цветок: / Невестка Тангара (невестка божества)...» (Дойду, 2001: 12). Да и сама муза поэта – «царевна с грудями открытыми щедрыми полными сладкой ильгэ», «богиня ...тысячекрылая с ликом Вечного Идола – солнца».

По нашему мнению, нетрадиционный взгляд на мир, формальная новизна, абсурдность и графичность лирики не изжили характерных примет национального стиля, особенности национального менталитета пронизывают произведения поэта и определяют их многослойность и глубину.

В творчестве поэтов литературного объединения «Белая лошадь» отразились характерные тенденции современной литературы: поиск новых форм художественного обобщения действительности, синтез традиций русской и мировой литературы, преобладание модернистских тенденций, а также обращение к коренным проблемам человеческого существования, к сознанию и подсознанию лирического героя, погружающегося в различные области миропонимания и постижения времени и пространства. В поэтических произведениях «белолошадников» логическому, точному объяснению мало что поддается, все построено на интуитивной суггестивной природе слова, воздействующего, «внушающего» символический смысл: «Там берега из нежного песка / Там легкий шаг воды / И ветер на ладонях». Автору важно передать настроение, вызвать в читателе подобное ощущение легкости и воздушности, чувство свободы и неземного полета. Сборник О. Чермышенцева так и называется «Непонятные мысли «непонятных стихов». Его лирическая героиня не знает, «куда именно нужно спрятать лицо, чтобы увидеть сны...», и «ночь» в его стихах «переходит в ночь», а «уходящая

женщина все отрицает спиной». Употребление ключевых слов: «ночь», «тепло», «кровь», причастий: «ходящая», «уходящее», «ждавшая», «рвущая» позволяют судить о беспредельном чувстве одиночества и отчаяния. Тема смерти, «ухода», звучащая во многих стихах О. Чермышенцева, придает им глубокий драматизм. Отличительной чертой молодых поэтов является саркастически жесткий взгляд на себя и на мир, изображение беспросветности жизни и конкретное воплощение этого «ужаса». Стихотворения нередко напоминают картины абстракционистов, где все детали расплывчаты и неясны, а смысл улавливается лишь в совокупности всех составляющих, от всего полотна в целом: «в женщине спят / уравнение и черная ночь / это прыжки Багиры / мягкость кошачьих лап – / в опущенных веках / сила воды – в черном всплеске волос / уснувшей женщины / она свободна как ночь / как ищущие поцелуя губы / в своем сне похожем / на составление азбуки завтра / трудно решать уравнение / где все приводится / под один знаменатель любви / и в итоге получается / спящая женщина» (Литературное объединение «Белая лошадь», 1996: 59).

В своих поэтических экспериментах, в поиске собственного стиля, молодые поэты ориентируются на произведения В. Хлебникова, А. Белого, О. Мандельштама, А. Вознесенского. В произведениях К. Алексеева, Л. Лиханова, В. Оросутцева то же стремление к игровой полиметрии, использование разноударных рифм, консонансов: «зимою / разные-разные превращения / например / гостю не скажешь / «замерз почтальон» (Литературное объединение «Белая лошадь», 1996: 64).

По словам Г.Н. Малышевой, молодые поэты начала 1990-х годов «отказываются от аристократического эстетства и исповедуют саркастически жесткий взгляд на себя и на мир..., как будто зная жизнь от беспросветного начала до безнадежного конца», подвергают критике общественную модель и «проповедуют ситуацию ухода, тотального сомнения во всех общественных ценностях или ситуацию «поиска», «пути» - куда угодно – в прошлое, в богостроительство, к примитиву, к мистике, к вечным ценностям любви и свободы во всем и т.д.» (Малышева, 1996: 14).

Таким образом, для развития русскоязычной поэзии Якутии характерно, с одной стороны, обостренное внимание к национальным традициям – историко-культурным и литературным, к эстетическим ценностям, накопленным в якутском фольклоре и в русской классической литературе, в творчестве П.Н. Черных-Якутского, В. Чагыла, А.К. Михайлова, с другой стороны - к доминированию полифонизма разных культур в произведениях

современных авторов: С.С. Осипова, А. Дойду, поэтов литературного объединения «Белая лошадь».

Bibliografija

Bahtin M.M. Jestetika slovesnogo tvorchestva. – M.: Iskusstvo, 1986.

Gachev G.D. Nacional'nye obrazy mira: Obshhie voprosy. Russkij. Bolgarskij. Kirgizskij. Gruzinskij. Armjanskij. – M.: Sov. pisatel', 1988.

Mihajlov A.K. Beloe chudo: Stihi. – Jakutsk: Kn. izd-vo, 1990.

Mihajlov A.K. Ot utrennej zvezdy i do zvezdy vechernej: Stihi o ljubvi. – Jakutsk: Sahapoligrafizdat, 1993.

Jepshtejn M. Pokolenie, nashedshee sebja (o molodoj poezii nachala 80 g.) // Voprosy literatury. – 1986. - №5. – S. 40-72.

Osipov S.S. Shipovnik: Stihi. – Jakutsk: Kn. izd-vo, 1988.

Osipov S.S. Tekushhij vek: Stihi. – Jakutsk: Kn. izd-vo, 1992.

Dojdu A. Nebesnye ohlamony. Sb. proizvedenij raznyh let. – Jakutsk: Bichik, 2001.

Literaturnoe ob#edinenie «Belaja loshad'» // Poljarnaja zvezda. – 1996. - №6. – S. 4-95.

Malysheva G.N. Ocherki russkoj poezii 1980-h godov: (Specifika zhanrov i stilej). – M.: Nasledie, 1996.